

ИСПЫТАНІЕ
В ГРОЗѢ И БУРѢ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ"

IWANOFF-RASUMNIK

VERSUCHUNG IN STURM UND GEWITTER

ALEXANDER BLOCK

SKYTHEN + DIE ZWÖLF

VERLAG „SKYTHEN“ + BERLIN

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

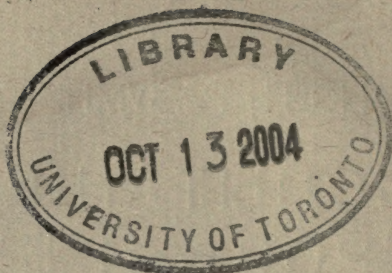
ИСПЫТАНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СКИѲЫ + ДВѢНАДЦАТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СКИѲЫ" + БЕРЛИНЪ

Printed in Germany.

ИСПЫТАНІЕ ВЪ ГРОЗѢ И БУРѢ.

О, старый міръ! Пока ты не погибъ,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ Сфинксомъ съ древнею загадкой.

Александръ Блокъ.

1.

Два испытанія — одно вслѣдъ за другимъ и одно вслѣдствіе другого — пали тяжкимъ бременемъ на плечи Атланта, поддерживающаго устои стараго міра. Испытанія огненныя, испытанія грозовыя.

И первое испытаніе — испытаніе огнемъ міровой войны — сразу испепелило ростки братства „международнаго“, и на пожарищѣ его укрѣпило цементомъ „національной“ злобы устои стараго міра. Ибо національная рознь — крѣпкій цементъ для старыхъ кирпичей; пока есть она — Атлантъ можетъ быть спокоенъ: своды не обрушатся, не погребутъ его подъ развалинами.

Но огонь, обжигающій кирпичи, укрѣпляетъ своды лишь до того мига, пока не перейдетъ онъ въ пламя испепеляющее, пока изъ огня-раба не станетъ онъ огнемъ творческимъ, пока изъ огня кухонной плиты не станетъ онъ огнемъ молніи. И тогда — горе устоямъ Атланта! Ибо —

„Есть судъ всего, что дышетъ, живетъ и растетъ —

Судъ огнемъ.
Огонь

Послѣдній судія — все судитъ и все разрѣшаетъ.

А молнія — кормчій.
Послѣднее испытаніе
Черезъ огонь“.

Такъ слышимъ мы въ „Преданіи отъ Гераклита Эфесскаго“ (А. Ремизовъ); такъ знаемъ мы: міровой огонь обрушитъ на Атланта своды стараго міра. И пришелъ огонь — въ грозѣ и бурѣ. Молнія — кормчій . . .

И второе испытаніе — испытаніе въ грозѣ и бурѣ революціи — сразу расшатало крѣпкіе своды, міровой вихрь вновь понесъ на старое пожарище весеннія сѣмена „международнаго братства“, ринулся на старые устои, покачнулъ великана Атланта, обрушилъ часть сводовъ на головы властителей стараго міра.

И какъ тогда не выдержали „властители думъ“ испытанія огнемъ войны, такъ не выдержали они теперь испытанія въ грозѣ и бурѣ революціи: испугались, пали духомъ, озлобились, возненавидѣли, понесли свои кирпичики для спѣшной поддержки устоевъ Атланта, поспѣшили, добродѣтельные муравьи, скорѣе вновь лѣпить разбросанный бурей мѣщанскій муравейникъ . . .

Муравьи миріадами тѣлъ могутъ потушить пылающій огонь. Потушатъ ли? Да, если не разгорится онъ въ міровой пожаръ. Разгорится ли? И съ надеждою одни, со страхомъ другіе — ждутъ: удастся ли старому міру сотнями тысячъ тѣлъ погасить огненный вихрь, удастся ли ему гекатомбой труповъ укрѣпить расшатанные устои? Ибо, если одна лишь революція русская такой грозой и бурей обрушилась на старые своды, то что же будетъ при революціи міровой?

А что это будетъ — всѣ знаютъ, „не зная ни дня, ни часа“: будетъ раньше или позже, будетъ „наперекоръ стихіямъ“, будетъ не смотря на гекатомбы тѣлъ и даже вслѣдствіе ихъ: ибо если есть на землѣ неискупленныя страданія, то зато нѣтъ на землѣ неоправданной жертвы.

Всѣ муравьи это знаютъ — и боятся, злобятся, ненавидятъ, тушатъ міровой огонь ковшиками злобы, пригоршнями мелкаго ненавистничества. Подлинно: какія огромныя событія, какіе маленькіе люди!

2.

Въ зеркалѣ русской литературы, „какъ солнце въ малой каплѣ водъ", отразились міровыя событія — и какъ мало оказалось въ ней людей, которые увидѣли бы размѣры совершающагося, почуяли бы вѣяніе мірового вихря, отдали бы свои творческія силы не оплакиванію и поддержкѣ стараго, а строенію и рожденію новаго. О мелкой злобѣ, о ядовитыхъ брызгахъ слюны — я уже и не говорю: разверните любой газетный листъ, любую книгу этихъ стражей и блюстителей стараго Атланта . . .

Есть тамъ и искренняя боль за старое, исконное, навѣки уходящее, есть и мелкая трусость придавленнаго вихремъ „взбунтовавшагося раба". Ибо, поистинѣ, вотъ гдѣ его царство: въ русской литературѣ, а не въ казармѣ, не на фабрикѣ, не въ деревнѣ. Взбунтовавшимся рабомъ оказался вчерашній „властитель думъ", русскій писатель во всей своей массѣ. Стоитъ ли называть имена?

Звали они революцію — и пришла она. Но пришла не въ тишинѣ, не въ тихомъ пламени неопалимой купины, а въ грозѣ и бурѣ народнаго вихря. Ждали они ее въ видѣ разубраннаго флагами корабля, торжественно салютующаго холостыми зарядами, — пришла она въ вихрѣ пыли, грязи, крови, среди бурныхъ валовъ бушующаго моря. И мимо нихъ проходитъ корабль революціи — они съ ужасомъ отвернулись отъ него.

Не узнали они друзей моряковъ,
Имъ знакомыхъ давно,
Не узнали снастей, ни ихъ парусовъ,
А сами соткали для нихъ полотно —
Слѣпые, косные люди!

И проходитъ мимо нихъ этотъ корабль, — „для тысячей нѣмъ, не понятъ никѣмъ, ибо слишкомъ онъ былъ непохожъ на скучную ложь — на разсказы учителей мѣстныхъ“ (Э. Верхарнъ) . . .

И въ мелкой злобѣ своей, а порою и въ искренней боли своей, не слышатъ и не видятъ эти „мѣстные учители“ и ихъ ученики того, что такъ ясно, казалось бы, для каждаго, имѣющаго очи, чтобы видѣть, имѣющаго уши, чтобы слышать. Но есть и видящіе, и слышащіе. Отъ „народныхъ“ глубинъ, отъ „культурныхъ“ вершинъ — поэты и художники радостно и скорбно, но чутко и проникновенно говорятъ намъ о свершающемся въ мірѣ. Не боятся они грозы и бури, а принимаютъ ее всѣмъ сердцемъ и всей душою: „вѣстью овѣяны — души простремъ въ свѣтомъ содѣянный радостный громъ“ (Андрей Бѣлый). Такъ говоритъ одинъ, и отзывается ему другой: „грозно гремитъ твой громъ, чудится плескъ крылъ — новый Содомъ сжигаетъ Егудіилъ“ (Сергѣй Есенинъ). Отъ вершинъ, отъ глубинъ — чутко чуютъ они то новое міровое, что идетъ теперь въ грозѣ и бурѣ революціи: разрушеніе Содома стараго міра, гибель Атланта и рожденіе, осуществленіе новой Россіи, новой Европы, новаго міра.

Видитъ это міровое и Александръ Блокъ, поэтъ розы и креста. И подлинно — крестъ видитъ онъ на русской революціи и розой вѣнчаетъ ее. Давно не писалъ онъ ничего подобнаго поэмѣ своей „Двѣнадцать“ — да и писалъ ли? Лицомъ къ революціи, лицомъ къ Россіи стоитъ здѣсь поэтъ — и принимаетъ, и понимаетъ, и любитъ, и скорбитъ, и видитъ міровое значеніе совершающагося. Лицомъ къ

Атланту стараго міра становится онъ въ другомъ своемъ произведеніи, „Скиѳы“, не менѣе замѣчательномъ — и негодуетъ, и предостерегаетъ, и клеймитъ . . . Если бы даже ничего иного не далъ русской литературѣ годъ революціи (а онъ далъ намъ и стихи Н. Клюева, и поэмы С. Есенина, и еще никѣмъ не оцѣненнаго, изумительнаго „Котика Летаева“ Андрея Бѣлаго, и плачъ „о погибели земли русской“ А. Ремизова), то все же, послѣ „Двѣнадцати“ и „Скиѳовъ“, годъ революціи явился бы богатымъ годомъ русской литературы.

3.

„Двѣнадцать“ — поэма о революціонномъ Петербургѣ конца 1917, начала 1918 года, поэма о крови, о грязи, о преступленіи, о паденіи человѣческомъ. Это — въ одномъ планѣ. А въ другомъ — это поэма о вѣчной, міровой правдѣ той же самой революціи, о томъ, какъ черезъ этихъ же самыхъ запачканныхъ въ крови людей въ міръ идетъ новая благая вѣсть о человѣческомъ освобожденіи. Ибо вѣдь и двѣнадцать апостоловъ были убійцы и грѣшники.

Въ пятой главѣ Дѣяній апостольскихъ разсказывается, съ яснымъ челомъ, какъ апостолъ Петръ убилъ (не изъ „винтовочки стальной“, а словомъ устъ своихъ) мужа и жену, Ананію и Сапфиру, за то, что утаили они часть имущества своего отъ христіанской коммуны: „паде же абіе передъ ногами его, и издше“. . .

„И бысть страхъ великъ на всей церкви“ — эпически прибавляетъ бытописатель.

Что же, и здѣсь Христосъ? Здѣсь его нѣтъ, но мимо этого, надъ этимъ — идетъ онъ впереди двѣнадцати, посланныхъ имъ въ міръ.

И впереди „двѣнадцати“ поэмы, — двѣнадцати убійцъ, — впереди разыгравшагося съ краснымъ флагомъ вѣтра, —

Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди Исусъ Христосъ...

И не можетъ онъ не идти впереди этихъ „двѣнадцати“, если подлинно за ними, хотя бы и помимо нихъ, стоитъ то міровое, которое слышится намъ теперь въ грозѣ и бурѣ.

Благая вѣсть раздалась двадцать вѣковъ тому назадъ — вѣсть о духовномъ освобожденіи человѣчества. Благая это была вѣсть и великая, ибо духовное освобожденіе человѣчества не подразумѣваетъ ли собой и освобожденія физическаго? Оказалось — нѣтъ, не подразумѣваетъ. Возлюбимъ ближняго, какъ самого себя, — это внутренне, духовно, а внѣшне, физически, — будемъ попрежнему продавать его въ рабство, предавать его казни. Формы рабства и казни мѣнялись съ вѣками, становились все утонченнѣе и больнѣе: отъ рабства физическаго — къ экономическому, отъ рабства экономическаго — къ духовному. Такъ отъ духовнаго освобожденія пришла христіанская культура къ духовному рабству. И стало ясно: кромѣ внутренней свободы, возвѣщенной христіанствомъ, въ міръ должна прійти свобода внѣшняя — полное освобожденіе политическое, полное освобожденіе соціальное.

Благую вѣсть міровой соціальной революціи старый міръ нашихъ дней принялъ такъ же враждебно, какъ старый міръ эпохи Петронія принялъ благую вѣсть революціи духовной. Но съ той революціей старый міръ справился очень скоро: увидѣвъ, что борьба извнѣ невозможна, онъ вошелъ въ революцію и покорилъ ее своему духу. Старый міръ — „принялъ“ христіанство.

Тогда мало по малу выяснилась „неудача“ христіанства: оно „не удалось“, ибо путь отъ духовной революціи къ соціальной оказался перерѣзаннымъ; старый

міръ съ мечемъ въ рукахъ стоялъ на этой дорогѣ внутри самой христіанской коммуны. И черезъ два тысячелѣтія человѣчество пришло къ обратному пути — отъ соціальной революціи къ духовной. Впереди — побѣда соціальной коммуны; но еще долго старый міръ будетъ становиться на пути этой міровой революціи. Будутъ бороться съ ней извнѣ всѣ тѣ „буржуи“, о которыхъ говорится въ поэмѣ „Двѣнадцать“, будутъ бороться съ ней изнутри болѣе опасные враги — волки въ овечьихъ шкурахъ.

Трудна дорога, и побѣда придетъ еще не скоро. Она придетъ, вѣроятно, лишь тогда, когда ясно станетъ человѣку, что нѣтъ полнаго освобожденія ни въ духовной, ни въ соціальной революціи, а только въ той и другой одновременно. Но очистительная гроза и буря міровой соціальной революціи таитъ въ себѣ великую правду. Правды этой не видятъ многіе „писатели“, „витіи“, „барыни въ каракуляхъ“, но ее видятъ и чувствуютъ многіе и многіе среди выдѣлившихъ изъ себя „двѣнадцать“. И за эту правду, помимо ихъ воли черезъ нихъ идущую въ міръ, поэтъ „бѣлымъ вѣнчикомъ изъ розъ“ украшаетъ чело великой русской революціи.

4.

Снѣжная вьюга революціи начинается съ первыхъ же строкъ поэмы; и съ первыхъ же строкъ ея черное небо и бѣлый снѣгъ — какъ бы символы того двойственнаго, что совершается на свѣтѣ, что творится нынѣ въ каждой душѣ.

Черный вечеръ.
Бѣлый снѣгъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ!
На ногахъ не стоитъ человѣкъ . . .

Такъ черезъ всю поэму проходятъ, переплетаясь, два внутреннихъ мотива. Черный вечеръ — кровь, грязь, преступленіе; бѣлый снѣгъ — та новая правда,

которая черезъ тѣхъ же людей идетъ въ міръ. И если бы поэтъ ограничился только одной темой, нарисовалъ бы или одну только „черную“ оболочку революціи, или только ея „бѣлую“ сущность — онъ былъ бы восторженно принятъ въ одномъ или другомъ изъ тѣхъ двухъ становъ, на которые теперь раскололась Россія. Но поэтъ, подлинный поэтъ, одинаково далекъ и отъ свѣтлаго славословія и отъ темной хулы, онъ даетъ двойную, переплетающуюся истину въ одной картинѣ.

Черный вечеръ.
Бѣлый снѣгъ.

Вся поэма въ этомъ.

И на этомъ фонѣ, сквозь бѣлую снѣжную пелену рисуетъ поэтъ черными четкими штрихами картину „революціоннаго Петербурга“ конца 1917 года. Тутъ и огромный плакатъ: „Вся власть Учредительному Собранію“, и „невеселый товарищъ попъ“, и старушка, которая „никакъ не пойметъ, что значитъ“, и оплакивающая Россію „барыня въ каракулѣ“, и злобно шипящій „писатель, витія“... И такъ все это мелко, такъ далеко отъ того великаго, что совершается въ мірѣ, такъ убого, что „злобу“ противъ этого всего можно счесть „святой злобой“:

Злоба, грустная злоба
Кипитъ въ груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищъ! Гляди
Въ оба!

И вотъ на этомъ фонѣ, подъ нависшимъ чернымъ небомъ, подъ падающимъ бѣлымъ снѣгомъ — „идутъ двѣнадцать человѣкъ“... О, поэтъ нисколько не „поэтизируетъ“ ихъ! Напротивъ. „Въ зубахъ — цыгарка, примятъ картузъ, на спину-бъ надо бубновый тузъ!“ А былой товарищъ ихъ, Ванька, — „въ шинелишкѣ солдатской, съ физьономіей дурацкой“ —

летитъ съ толстоморденькой Катькой на лихачѣ, „електрическій фонарикъ на оглобелькахъ“...

И этотъ „красногвардеецъ“ Петруха, уже не разъ бросавшійся съ ножемъ на Катьку („У тебя на шеѣ, Катя, шрамъ не зажилъ отъ ножа, у тебя подъ грудью, Катя, та царапина свѣжа!“), этотъ Петруха, уложившій уже офицера, („не ушелъ онъ отъ ножа!“), а теперь угрожающій расправою и новому сопернику: „ну, Ванька, сукинъ сынъ, буржуй! мою, попробуй, поцѣлуй!“ И сама эта Каллипига Невскаго Проспекта („больно ножки хороши!“), эта толстоморденькая Катя, которая „шоколадъ Миньонъ жрала, съ юнкерьемъ гулять ходила, съ солдатьемъ теперь пошла“... И эти товарищи Петрухи, безъ минуты раздумья разстрѣливающіе мчащихся на лихачѣ Ваньку съ Катькой: „еще разокъ! Взводи курокъ! Трахъ-тарарахъ.“... И убитая Катька — „лежи ты, падаль, на снѣгу!“ И насмѣшки товарищей надъ Петькой, помянувшимъ имя Христа: „Петька! Эй, не завирайся! Отъ чего тебя упасъ золотой иконостасъ? — Безсознательный ты, право, разсуди, подумай здраво — али руки не въ крови изъ-за Катькиной любви?“

Это ли апостолы новой благой вѣсти? Это ли тѣ „двѣнадцать“, которымъ предшествуетъ „въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ, впереди — Исусъ Христосъ“? Или и на этотъ разъ онъ „со беззаконными вмѣнися?“ Или и на этотъ разъ „беззаконство“ хоть и не прощается, но покрывается чѣмъ то высшимъ?

Смерть Катьки не прощается Петрухѣ. „Охъ ты горе горькое, скука скучная, смертная!“ И пусть не раскаяніе, а новая злоба лежитъ на его душѣ — „ужъ я ножичкомъ полосну, полосну! Ты лети, буржуй, воробышкомъ! Выпью кровушку за зазнобушку, чернобровушку!“. — Но гнета не снять съ души: „упокой, Господи, душу рабы твоея... Скучно!“ И развѣ въ раскаяніи тутъ дѣло? Правда, „разбойника благоразумнаго во единемъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи“, — но что мы знаемъ о другомъ разбой-

никѣ „безумномъ“? И въ крови сколькихъ женщинъ и дѣтей были, быть можетъ, обагрены руки его „благоразумнаго“ товарища, сораспятаго Христу евангельскаго „злодѣя“? И ему — прощеніе, ему — рай за „раскаяніе“, за „помяни мя, Господи“? И злодѣйства „двѣнадцати“ тогда не покрываются ли тѣмъ, что стоитъ за ними, не черной стихіей, а свѣтлымъ сознаніемъ? Пусть кажется имъ, что идутъ они противъ Христа, противъ креста —

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра та та!

— но все же впереди нихъ роза и крестъ въ нѣжной поступи надвьюжной, въ снѣжной розсыпи жемчужной . . .

5.

Черное не прощается, черное не оправдывается — оно покрывается той высшей правдой, которая есть въ сознаніи „двѣнадцати“. Они — темные убійцы, злодѣи (нарочно вѣдь взялъ поэтъ именно такихъ!) — они чуютъ силу и размахъ того міроваго вихря, песчинками котораго являются. Они чуютъ и понимаютъ то, что злобно отрицаетъ и „писатель, витія“, и обывательница въ каракулѣ, и „товарищъ попъ“ и вся духовно павшая „интеллигенція“ въ кавычкахъ. И за эту свою правду — „пошли наши ребята въ красной гвардіи служить, въ красной гвардіи служить, буйну голову сложить!“ За эту правду они и убиваютъ, и умираютъ. Знаютъ-ли они, что идутъ противъ міроваго Атланта, что всѣ своды его стараго зданія предаютъ огню? Знаютъ — и въ этомъ ихъ благая вѣсть міровой соціальной революціи:

Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ,
Міровой пожаръ въ крови —
Господи благослови!

Правда, сами не знаютъ они, какого они духа, сами не знаютъ, насколько совершающееся нынѣ въ мірѣ глубже видимой имъ внѣшности „буржуевъ“ (а можетъ быть не знаютъ, но чуютъ? — вѣдь „міровой пожаръ въ крови!“) Но знаютъ они твердо, что къ старому міру возврата нѣтъ, что „Святая Русь“ лежитъ по эту сторону раздѣлившей всѣхъ насъ пропасти, (и ненавидятъ же ихъ за это всѣ заупокойные плакальщики о Россіи!) Знаютъ они, что „Святая Русь“, что весь старый міръ — отнынѣ худшіе и непримиримѣйшіе ихъ враги. Знаютъ — и зовутъ: „впередъ, впередъ, рабочій народъ!“

Революціонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ - ка пулей въ Святую Русь —

Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!

Эхъ, эхъ, безъ креста!

И знаютъ они, что борьба предстоитъ упорная, долгая, чуютъ они, что Атлантъ до конца будетъ стоять горой за кирпичи стараго міра. И черезъ кровь, черезъ злодѣяніе слишкомъ легко, быть можетъ, готовы они перешагнуть: „потяжеле будетъ бремя намъ, товарищъ дорогой!“ Это бремя—бремя тяжелой борьбы со старымъ міромъ, который теперь „хвостъ поджалъ — не отстаетъ“, но который еще обратится въ злобнаго волка, отстаивающаго свою старую нору мѣщанскаго міра. Не могучимъ Атлантомъ, а побитымъ псомъ представляется теперь „двѣнадцати“ (и поэту!) старый міръ. Онъ разбитъ въ первой схваткѣ — и идутъ дозоромъ „двѣнадцать“, твердо зная, что „вотъ проснется лютый врагъ“.

Такъ отъ реальнаго „революціоннаго Петербурга“ поэма уводитъ насъ въ захватъ вопросовъ міровыхъ, вселенскихъ. Все реально, до всего можно дотро-

нуться рукой — и все „символично“, все вѣщій знакъ далекихъ свершеній. Такъ когда-то Пушкинъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ былъ на грани реальнаго и надъ-историческихъ прозрѣній.

Да, такія сокрушающія сравненія выдерживаетъ поэма Александра Блока. „Какъ будто грома грохотанье, тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой“—заканчивается въ наши дни. Конецъ петровской Россіи — конецъ стараго міра. Было время его славы, расцвѣта, могущества, — и бережно понесемъ мы въ новый міръ вѣчныя „эллинскія“ цѣнности міра стараго: не испепелятся онѣ и въ огнѣ.

Но временныя цѣнности его падутъ прахомъ въ грозѣ и бурѣ, въ разыгравшейся вьюгѣ. Въ просвѣты ея мы видимъ и теперь: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прервалось тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника, тамъ теперь „надъ невской башней тишина“. Гдѣ же конь? Гдѣ же Всадникъ? Ихъ нѣтъ. И тамъ, гдѣ былъ Конь, тамъ теперь стоитъ „безродный песъ, поджавши хвостъ“; тамъ гдѣ былъ Всадникъ, тамъ гдѣ въ „неколебимой вышинѣ надъ возмущенною Невою стоялъ съ простертою рукою кумиръ на бронзовомъ конѣ“ — тамъ теперь „стоитъ буржуй на перекресткѣ и въ воротникъ упряталъ носъ“ . . .

Атлантъ, поддерживающій своды — и „буржуй“, упрятавшій носъ въ воротникъ: кто, кромѣ поэта, можетъ такъ сорвать маску съ міровой сущности?

Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жмется шерстью жесткой
Поджавши хвостъ паршивый песъ.

Стоитъ буржуй, какъ песъ, голодный,
Стоитъ безмолвный, какъ вопросъ.
И старый міръ, какъ песъ безродный
Стоитъ за нимъ, поджавши хвостъ . . .

6.

Куда же дѣвалось убійство? Гдѣ же Катька? Гдѣ Петруха? Все тамъ же. Лежитъ убитая Катька — „мертва, мертва! Простреленная голова!“; и у Петьки руки въ крови; и ничѣмъ не смыть эту кровь. Это — его внутренняя трагедія, если онъ до нея доросъ. Но міровой вихрь, но сознаніе высшей иной правды, но испытаніе въ грозѣ и бурѣ — сдѣлали чернаго злодѣя однимъ изъ „двѣнадцати“. И развѣ мы забываемъ, что у сораспятаго „разбойника благоразумнаго“ руки, быть можетъ, обагрены въ человѣческой крови? Не забываемъ и не прощаемъ, — это только самъ Распятый могъ простить. Но на высотѣ міровой трагедіи Голгофы говоритъ ли намъ объ этой крови „благая вѣсть“? И говоритъ ли она намъ о томъ, что быть можетъ и другой сораспятый разбойникъ, „безумный“, не услышавшій слова прощенія, вмѣстѣ съ первымъ „будетъ днесь въ раю“?

На высотѣ нынѣ совершающейся міровой трагедіи выдерживаютъ испытаніе въ грозѣ и бурѣ символическіе „двѣнадцать“. Когда постигаемъ мы міровой захватъ совершающагося — нѣтъ для насъ больше Петрухи, нѣтъ цыгарки въ зубахъ, нѣтъ примятаго картуза, бубноваго туза на спинѣ... Или, вѣрнѣе сказать — все это есть, но сквозь это, но черезъ это — мы видимъ то, что показываетъ намъ въ „двѣнадцати“ поэтъ. Мы видимъ, какъ:

... идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль.

И чудо поэтическаго творчества заставляетъ насъ здѣсь въ словѣ „вдаль“ видѣть не только петербургскіе „переулочки глухіе, гдѣ одна пылитъ пурга“, а даль міровую, гдѣ „пурга пылитъ имъ въ очи дни и ночи напролетъ“...

И уже не удивляемся мы, когда „преображая дѣйствительность", поэтъ черезъ сгорбленныя спины, „рваное пальтишко, австрійское ружье" — заставляетъ насъ видѣть, какъ двѣнадцать „вдаль идутъ державнымъ шагомъ"... Ибо видимъ мы теперь то великое, міровое, что таится здѣсь за малымъ, слишкомъ человѣческимъ. И вся послѣдняя глава поэмы твердо и чеканно подготовляетъ насъ къ послѣднимъ ея стихамъ:

...Вдаль идутъ державнымъ шагомъ.
— Кто еще тамъ? Выходи!
Это — вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди...

Впереди — сугробъ холодный.
— Кто въ сугробѣ — выходи!...
Только нищій песъ голодный
Ковыляетъ позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощекочу!
Старый міръ, какъ песъ паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалитъ зубы — волкъ голодный,
Хвостъ поджалъ — не отстаетъ,
Песъ холодный, песъ безродный...
— Эй, откликнись, кто идетъ?

Здѣсь уже мы чувствуемъ, здѣсь уже мы знаемъ: не забыть намъ никогда, что это не шелудивый песъ съ поджатымъ хвостомъ бредетъ за „двѣнадцатью", а нѣкогда міродержатель Атлантъ, въ свое время низверженный христіанствомъ, но потомъ сумѣвшій взорвать его изнутри. И не двѣнадцать „красногвардейцевъ" видимъ мы за снѣжной вьюгой, а „двѣнадцать", несущихъ міру новую, благую вѣсть избавленія. Когда мы увидимъ, когда мы поймемъ все это, то поймемъ и примемъ всѣмъ сердцемъ и послѣд-

нія строки, такъ необходимо, такъ чудесно завершающія эту необходимую всѣмъ намъ, эту чудесную поэму о новой, благой вѣсти, возвѣщаемой міру:

. . . Такъ идутъ державнымъ шагомъ.
Позади голодный песъ,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Исусъ Христосъ. . .

Тотъ, кто не пойметъ, тотъ, кто не почувствуетъ этого, — не почувствуетъ и не пойметъ всей глубины „древней загадки", нынѣ снова предлагаемой „старому міру".

А кто пойметъ — тотъ и разгадаетъ ее правильно. Ибо древняя разгадка — все та же, и гласитъ она: человѣкъ.

Въ свое время христіанская революція рождала въ міръ „новаго человѣка", духовно свободнаго — и потерпѣла крушеніе на встрѣчномъ замыслѣ стараго міра: духовно свободнаго оставить все же физически, экономически, соціально, а потому и духовно порабощеннымъ. Съ этимъ „взрывомъ изнутри" былой духовной революціи старымъ міромъ вступила теперь въ борьбу революція соціальная, и ея благая вѣсть — прежняя: освобожденіе человѣка. Но на этотъ разъ — освобожденіе полное: физическое, соціальное, духовное.

Въ грозѣ и бурѣ революціи задана эта загадка старому міру. И Александръ Блокъ сумѣлъ показать намъ это не отвлеченными словами, а живой тканью поэтическаго творчества. Вотъ почему поэма его „Двѣнадцать" десятилѣтія и десятилѣтія будетъ жить въ русской литературѣ, являясь откликомъ души русскаго поэта на стихію русской, на стихію міровой соціальной революціи.

7.

Въ поэмѣ „Двѣнадцать“ Александръ Блокъ отъ революціоннаго Петербурга повелъ насъ „вдаль“—къ горизонтамъ революціи міровой, гдѣ стоя на старой землѣ грузно поддерживаетъ Атлантъ старое небо. Новое небо и новую землю даетъ міру каждая великая революція, но рухнувшій Атлантъ вскорѣ вновь возстаетъ изъ подъ обломковъ, и скоро „новое небо“ вновь становится небомъ стараго міра. Величайшій въ мірѣ духовный переворотъ христіанства оказался безсильнымъ разрушить старые кирпичи Рима, старые кирпичи міра.

Не будетъ - ли и нынѣ повторенія этого пятаго акта вѣчно новой міровой драмы. Не будемъ предсказывать: мы лишь вступаемъ въ прологъ мірового переворота. Но ясно одно: безумно было - бы недооцѣнивать силы врага.

Когда поэтъ срываетъ съ Атланта маску, когда подъ ней оказывается не полубогъ, не сынъ титана, не братъ великаго Прометея, не отецъ Плеядъ, а міровой „буржуй на перекресткѣ“, — поэтъ правъ, онъ разоблачаетъ стараго мірового обманщика, всесвѣтнаго мѣщанина въ мантіи титана.

Но когда старый міръ этотъ, въ образѣ „безроднаго пса“ ковыляетъ, поджавъ хвостъ, за державнымъ шествіемъ міра новаго,—я не вѣрю ему, ибо слишкомъ хорошо знаю его силы. И поэтъ знаетъ ихъ еще лучше меня. Это только для немногихъ ослѣпленныхъ глашатаевъ новой, благой вѣсти можетъ казаться, что старый міръ ужъ побѣжденъ, что „жмется шерстью жесткой, поджавши хвостъ, паршивый песъ“... Нѣтъ, поэтъ хорошо видитъ, что злобно „скалитъ зубы волкъ голодный“, что отъ него штыкомъ не отмахнешься, что онъ, ковыляя позади, ждетъ только минуты, когда можно будетъ наброситься и растерзать носителей міра новаго.

Пусть не титанъ, пусть „буржуй на перекресткѣ“, но онъ во всеоружіи выступаетъ теперь противъ но-

ваго міра. Онъ временно „поджалъ хвостъ“ только въ Россіи, гдѣ соціальная революція уже обрушила своды изъ старыхъ кирпичей; мы знаемъ, что рухнутъ эти своды и въ остальномъ мірѣ, не могутъ не рухнуть. Но пока западно-европейскій „буржуй на перекресткѣ“ напрягаетъ всѣ силы, чтобы удержать на мѣстѣ старое небо, пока онъ подпираетъ его горами труповъ, себѣ уже на погибель, пока великая русская революція не стала великой революціей міровой, — до тѣхъ поръ передъ нами въ новой формѣ возникаетъ старая проблема о Россіи и Европѣ, и мы отъ благой вѣсти „двѣнадцати“ переходимъ къ историческому вопросу современности.

„Двѣнадцать“, несмотря на весь свой черный фонъ, на грязь, на кровь, на злодѣянія, захватываетъ тему міровой революціи въ сферѣ настолько высокой, что она недоступна для историческихъ интересовъ сегодняшняго дня. Опять сравню эту поэму съ „Мѣднымъ Всадникомъ“, произведеніемъ слишкомъ глубокимъ, исполненнымъ надъ - историческихъ прозрѣній, и потому не отвѣчавшимъ на рядъ историческихъ вопросовъ современности. Но вѣдь у Пушкина, кромѣ „Мѣднаго Всадника“, есть почти тогда же написанныя, глубочайшія по мысли произведенія захвата историческаго: „Къ тѣни полководца“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“. Тамъ — надъ-историческія прозрѣнія, здѣсь — историческія воззрѣнія. Такъ и у Александра Блока. Если поэму „Двѣнадцать“ мы поставили въ ряду „Мѣднаго Всадника“, то въ ряду „Клеветниковъ Россіи“ надо поставить его вслѣдъ за „Двѣнадцатью“ написанныхъ „Скиѳовъ“.

8.

„Скиѳы“ съ новой силой ставятъ старый вѣчный вопросъ — о Востокѣ и Западѣ, о Россіи и Европѣ. Не разъ русскіе поэты и художники (еще отъ „Слова о полку Игоревѣ!“) вплотную подходили къ этой темѣ, не разъ за послѣдніе сто лѣтъ ставили они

лицомъ къ лицу двѣ міровыя силы, которыя должны либо столкнуться и погибнуть подъ развалинами стараго міра, либо слиться и воскреснуть въ мірѣ новомъ.

Замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ романовъ послѣднихъ десятилѣтій, „Петербургъ" Андрея Бѣлаго, всецѣло посвященъ этой же темѣ. Но если мы ограничимся только „поэтическими манифестами" крупнѣйшихъ поэтовъ, то отъ „Клеветниковъ Россіи" до „Скиѳовъ" мы увидимъ твердыя вѣхи, опредѣляющія собою путь русскаго поэтическаго самосознанія.

И если мы пройдемъ мимо поэтовъ второстепенныхъ, въ родѣ Хомякова, то путь этотъ намѣтятъ намъ прежде всего Пушкинъ („Клеветникамъ Россіи") и Тютчевъ („На взятіе Варшавы"). Отъ этихъ громадныхъ произведеній 1831 года, черезъ болѣе мелкія вѣхи славянофильской „историко - философской" поэзіи, мы придемъ въ концѣ 19 вѣка къ „Панмонголизму", „Дракону" и „Ex oriente lux" Вл. Соловьева, и далѣе, въ прямой преемственности отъ Вл. Соловьева — къ „Скиѳамъ" Александра Блока.

Пушкинъ, Тютчевъ, Соловьевъ, Блокъ — вотъ характернѣйшій путь русскаго поэтическаго сознанія за послѣдніе сто лѣтъ въ вѣчномъ вопросѣ о Россіи и Европѣ, или еще шире — о Востокѣ и Западѣ.

Когда появилось Пушкинское „Клеветникамъ Россіи", Чаадаевъ, авторъ написанныхъ на ту же тему о Западѣ и Востокѣ „Философическихъ писемъ", (хотя и совершенно въ иную сторону заостренныхъ), увидѣлъ — одинъ изъ немногихъ — всю глубину историческаго захвата этого произведенія, казавшагося тогдашнимъ либераламъ только „ура-патріотическимъ". Либеральный болтунъ, (а потомъ болтливый реакціонеръ) кн. Вяземскій, негодовалъ на Пушкина за эти „шинельные стихи", другой либеральный болтунъ, Ал. Тургеневъ, „защищалъ" Западъ и иронически уговаривалъ Пушкина: „голубчикъ, съѣзди ты хоть въ Любекъ"... И лишь одинъ Чаадаевъ понялъ всю историческую глубину пушкинскаго захвата: „Удиви-

тельны стихи къ врагамъ Россіи!... Въ нихъ больше мыслей, чѣмъ было сказано и создано у насъ въ цѣлый вѣкъ...“

Мысли эти — твердо поставленный вопросъ о Востокѣ и Западѣ. Возстаніе Польши — это для поэта только внутренній „восточный“ вопросъ, „споръ славянъ между собою“, вопросъ, котораго Западу не дано разрѣшить. Въ восточномъ русскомъ морѣ должны слиться всѣ „славянскіе ручьи“, и если на пути сліянія плотиной стоитъ Польша, — она должна быть сломлена. Западъ шумитъ, Западъ негодуетъ — vox et praeterea nihil! У Востока, у Россіи — свои задачи и нѣтъ силы, которая бы стала на ихъ пути.

Въ чемъ эти задачи? — Искупить русской кровью „Европы вольность, честь и миръ“. Такъ было уже при концѣ Наполеона. Такъ было и много раньше — при татарахъ. За сто лѣтъ до современнаго намъ поэта, Пушкинъ другими словами говорилъ о томъ же, о томъ, какъ мы вѣка и вѣка „держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ — Монголовъ и Европы“. Въ своемъ письмѣ къ Чаадаеву онъ ясно высказываетъ это... У насъ своя особая миссія, — пишетъ онъ, — „Россія своимъ громаднымъ пространствомъ поглотила побѣду Монголовъ. Татары не дерзнули перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они отступили въ свои пустыни — и христіанская цивилизація была спасена.“

Вотъ миссія Россіи — въ прошломъ и будущемъ, такъ вѣритъ Пушкинъ. Вотъ глубокая основа его „шинельныхъ стиховъ,“ его „патріотизма,“ вотъ почему ждетъ и жаждетъ онъ сліянія славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, вотъ почему восклицаетъ онъ въ „Бородинской Годовщинѣ“.

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?

Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется-ль Литва?
. . . .
Скажите, кто главой проникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна-ли Русь? . . .
Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!

Ибо у Россіи этой — есть вѣчная міровая миссія въ Европѣ. И пусть тогда еще не думалъ поэтъ о новой возможной „монгольской опасности," пусть тогда еще велико было историческое разстояніе „отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая," пусть было въ поэтѣ и разочарованіе въ европейскомъ либерализмѣ (vox et praeterea nihil) — но „скиѳскія" темы глубоко заложены въ этихъ его историческихъ стихахъ. Это „скиѳство" хорошо подмѣтилъ въ немъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, либеральный Ал. Тургеневъ. „Пушкинъ — варваръ въ отношеніи къ Польшѣ", — писалъ онъ, — „варваръ, какъ поэтъ, думая, что безъ патріотизма, какъ онъ его понимаетъ, нельзя быть поэтомъ, и для поэзіи не хочетъ выходить изъ своего варварства". . .

Да, въ этомъ все дѣло: „патріотизмъ, какъ онъ его понимаетъ". . . Не квасной оффиціальный патріотизмъ двигалъ Пушкинымъ, не „шинельные стихи" написалъ онъ, а первый поэтическій, пророческій манифестъ Россіи — Европѣ, Востока — Западу. Миссія Россіи была въ его глазахъ — государственной, національной, и онъ выразилъ это въ своихъ историческихъ стихахъ, въ которыхъ было „больше мыслей, чѣмъ было сказано и создано у насъ въ цѣлый вѣкъ". . .

9.

Въ тѣ же дни было написано и тютчевское „На взятіе Варшавы", впервые увидѣвшее свѣтъ лишь полувѣкомъ позднѣе. Здѣсь новое углубленіе все той же темы, здѣсь новое пониманіе „миссіи" Россіи —

и здѣсь съ самаго же начала рѣзкое отграниченіе отъ всѣхъ толкованій „шинельнаго“ патріотизма:

...прочь отъ насъ вѣнецъ безславья,
Сплетенный рабскою рукой:
Не за коранъ самодержавья
Кровь братская лилась рѣкой.
Нѣтъ, насъ одушевляло въ боѣ
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!

Нѣтъ, — „другая мысль, другая вѣра у русскихъ билася въ груди“... Эту мысль, эту вѣру лѣтъ двадцадь спустя, въ 1848 году, Тютчевъ съ замѣчательной ясностью выразилъ въ своей статьѣ: „La Russie et la Révolution.“

Въ Европѣ уже давно (съ 1789 года) стоятъ лицомъ къ лицу, говоритъ Тютчевъ, только двѣ реальныя силы: Революція и Россія. Быть можетъ завтра между ними начнется смертная, послѣдняя схватка. „Между ними не можетъ быть ни переговоровъ, ни перемирія. Жизнь одной — смерть другой. Отъ исхода этой борьбы, величайшей борьбы когда либо бывшей въ мірѣ, на долгіе вѣка опредѣлится вся политическая и религіозная будущность человѣчества“ ...

Да, подлинно — величайшая здѣсь историческая углубленность, и ни слова не можемъ мы выбросить изъ вдохновеннаго прозрѣнія Тютчева! Одно только: за три четверти вѣка, прошедшіе съ тѣхъ поръ до сегодняшняго дня, Россія и Европа помѣнялись мѣстами. Тогда — Россія стояла на стражѣ стараго міра противъ всей революціонной Европы, теперь — старая Европа стоитъ на той же стражѣ противъ революціонной Россіи ...

И еще одно: Тютчевъ хорошо видѣлъ связь между міровой революціей, которая пришла въ міръ, и той духовной революціей, которая пришла въ міръ двадцать вѣковъ тому назадъ. Онъ думалъ, что обѣ

революціи эти другъ другу враждебны, что „прежде всего революція есть анти-христіанство“, что „духъ анти-христіанства есть душа революціи, въ этомъ ея подлинный, отличительный характеръ“. И въ этомъ онъ опять былъ правъ, если противополагалъ духовную революцію — физической, нравственную революцію — соціальной. Такъ или иначе, но оплотомъ первой онъ видѣлъ Россію, очагомъ второй — Европу.

А если такъ, — то вотъ она, міровая миссія Россіи, вотъ вѣра, которая бьется въ его груди:

Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать . . . .

И уже отсюда — мечты о міровомъ владычествѣ Россіи, мечты (впослѣдствіи такъ „шинельно“ опошленныя!) о щитѣ Олега на вратахъ Цареграда: „Вставай же Русь! Ужъ близокъ часъ! Вставай, Христовой службы ради! Ужъ не пора-ль, перекрестясь, ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?“ Отсюда уже пророчества о великомъ русскомъ государствѣ съ „семью внутренними морями“ и съ семью великими рѣками: „отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая, отъ Волги по Ефратъ, отъ Ганга до Дуная“ . . .

Вотъ царство русское . . . и не прейдетъ во-вѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ . . .

Здѣсь миссія Россіи не только національная, не только государственная, какъ это было у Пушкина: миссія эта становится уже религіозной. Ибо миссія эта — борьба съ „антихристовой“ революціей.

10.

Славянофильскіе поэты измельчили и опошлили глубокія воззрѣнія Тютчева. И лишь черезъ три четверти вѣка русскій поэтъ, духовно близкій Тютчеву,

но неустанно боровшійся со славянофилами, сдѣлалъ еще шагъ въ томъ же направленіи; національную, государственную, религіозную миссію Россіи онъ провозгласилъ апокалиптической. Это былъ Вл. Соловьевъ.

Когда онъ въ 1895-г. писалъ „Панмонголизмъ", а въ 1900-мъ — „Дракона" и „Три разговора", то пушкинскій стихъ о потрясенномъ Кремлѣ и стѣнахъ недвижнаго Китая пересталъ уже соотвѣтствовать дѣйствительности. Скорѣе наоборотъ, историческая мысль могла летѣть „отъ стѣнъ недвижнаго Кремля до потрясеннаго Китая", но зато прежняя мысль Пушкина объ „анти-монгольской" миссіи Россіи получала особую остроту и силу.

И тютчевское противопоставленіе Россіи и революціи потеряло свое значеніе: слишкомъ стало ясно, что путь Россіи и Европы въ этой области, — общій, одинаковый, ибо революціи не избѣжать ни Европѣ, ни Россіи. Но зато съ тѣмъ большей силой прозвучала для Вл. Соловьева тютчевская мысль о религіозной миссіи Россіи: да, велика эта миссія, но не въ излишней борьбѣ съ Западомъ, а въ неизбѣжномъ столкновеніи съ „міровымъ нигилизмомъ" Востока. Ибо съ Востока надвигается „панмонголизмъ", которому быть можетъ дана будетъ власть пожрать европейскую культуру, христіанскую цивилизацію, однажды уже спасенную для Запада Россіей. „Россія поглотила побѣду Монголовъ", — сказалъ Пушкинъ. Поглотитъ ли она ихъ и въ будущемъ, или сама вмѣстѣ съ Европой будетъ поглощена? Въ этомъ для Вл. Соловьева были скрыты апокалиптическія судьбы міра.

Надвигающееся на Европу „монгольство" для него есть подлинный апокалиптическій Драконъ; и съ жуткимъ чувствомъ ожидаетъ онъ его прихода — да свершатся судьбы Россіи, Европы, міра . . .

Панмонголизмъ! Хоть слово дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,

Какъ бы предвѣстіемъ великой
Судьбины Божіей полно . . .

Въ Россіи исторически и мистически пересѣкаются эти судьбы Запада и Востока; въ панмонголизмѣ, паннигилизмѣ — пересѣкаются судьбы Европы и Россіи. Десятилѣтіемъ позднѣе всѣ эти мысли положилъ въ основу своего романа „Петербургъ“ одинъ изъ духовныхъ наслѣдниковъ Вл. Соловьева, Андрей Бѣлый. Тамъ у него въ туманной ночи пролетаетъ мимо Мѣднаго Всадника автомобиль „съ желтыми, монгольскими рожами;“ но — „разъ взлетѣвъ на дыбы и глазами мѣряя воздухъ, Мѣдный Конь копытъ не опуститъ: прыжокъ надъ исторіей — будетъ; великое будетъ волненіе . . . Брань великая будетъ, — брань небывалая въ мірѣ: желтыя полчища Азіатовъ, тронувшись съ насиженныхъ гнѣздъ, обагрятъ поля европейскія океанами крови, будетъ, будетъ — Цусима! Будетъ — новая Калка! Куликово поле, я жду тебя!“ . . .

Такъ говоритъ ученикъ — такъ говорилъ и учитель. Онъ ждалъ побѣды апокалиптическаго азіатскаго Дракона надъ христіанской Европой, онъ предсказывалъ Россіи: „желтымъ дѣтямъ на забаву даны клочки твоихъ знаменъ“. Онъ звалъ Россію къ соединенію христіанства Запада и Востока (ибо „свѣтъ, исшедшій отъ Востока, съ Востокомъ Западъ примирилъ“), онъ звалъ къ этому для совмѣстной борьбы съ міровымъ нигилизмомъ „монгольства“, грядущаго войною на міръ. Въ этомъ апокалиптическая миссія Россіи . . .

И когда въ 1900 году всѣ европейскія „великія державы“ соединились для „карательной экспедиціи“ въ Китай, и Вильгельмъ II произнесъ по этому поводу одну изъ самыхъ каннибальскихъ рѣчей, какія только сохранила намъ отъ „великихъ людей“ исторія, — Вл. Соловьевъ, на порогѣ смерти восторженно привѣтствовалъ этого своеобразнаго „Зигфрида“ нашихъ дней . . .

Россія и Европа, Востокъ и Западъ шли вмѣстѣ, рука объ руку противъ Азіи, мірового Дракона. Такъ рѣшался вѣковой вопросъ о Западѣ и Востокѣ — и что за бѣда, если во имя Христа и креста шли разстрѣливать китайскаго Дракона изъ пушекъ и пулеметовъ. Не бѣда:

Наслѣдникъ меченосной рати!
Ты вѣренъ знамени креста,
Христовъ огонь въ твоемъ булатѣ
И рѣчь грозящая — свята.
Полно любовью Божье лоно,
Оно зоветъ насъ всѣхъ равно ...
Но передъ пастію Дракона
Ты понялъ: крестъ и мечъ — одно.

Если бы могъ предвидѣть Вл. Соловьевъ, что не пройдетъ и пятнадцати лѣтъ, какъ и Европа, и Россія. забывъ про Дракона, раздѣлятся на два стана для смертельной схватки обманутыхъ старымъ міромъ, европейскихъ народовъ. „И мглою бѣдъ неотразимыхъ грядущій день заволокло“ ...

11.

Война вновь остро поставила вѣчный вопросъ о Россіи и Европѣ. Ибо, хотя Россія и вошла „въ семью великихъ демократическихъ странъ Запада“,— но развѣ это поверхностное англо-франко-русское военное соглашеніе хоть въ малой мѣрѣ рѣшало глубокіе вопросы Пушкина или Тютчева?

Ибо вѣдь и Западъ раздѣлился самъ на себя. Мало того, каждая страна Запада раздѣлилась надвое, раздѣлилась и Россія: давно уже прошли пушкинскіе времена кажущагося „единства національныхъ интересовъ“. Что же касается не націй, а „государствъ“, то противопоставленіе Европы Россіи сохраняло и здѣсь весь свой смыслъ — смыслъ и соціальный, и духовный.

А когда изъ войны родилась революція, и прежде всего революція русская, — снова прежній вопросъ о Европѣ и Россіи неотвратимо сталъ передъ сознаніемъ. Но до чего же перемѣнился обликъ этого вопроса, до чего смѣстились его грани, до чего перевернулось его содержаніе. Для Пушкина миссія Россіи была государственной и національной, — для революціи миссія эта внѣ-государственна и интернаціональна. Для Тютчева задача Россіи была исключительно направлена къ защитѣ „христіанства" отъ безбожной революціи, — задача послѣдней, наоборотъ, вмѣсто духовнаго и нравственнаго переворота произвести сперва переворотъ въ мірѣ физическихъ и соціальныхъ цѣнностей. И если раньше Россія стояла на стражѣ стараго міра противъ революціонной Европы, то теперь наоборотъ, — старая Европа стоитъ на стражѣ противъ революціонной Россіи. А апокалиптическая миссія Вл. Соловьева для революціи получила совсѣмъ иной смыслъ: Драконъ оказался пока внутри каждой страны, и подлинно борьба съ нимъ — тяжела. . .

Вотъ нити поэтическаго сознанія, дошедшія отъ Пушкина до нашихъ дней, по вѣчному вопросу нашей исторіи: Россія и Европа. Вопросъ остался въ прежней силѣ, но при глубочайшемъ внутреннемъ своемъ измѣненіи. Оформить это новое сознаніе въ поэтическомъ творчествѣ выпало на долю Александра Блока, ближайшаго духовнаго ученика Вл. Соловьева.

Его „Скиѳы", не приведенные въ связь со всѣмъ прошлымъ, были бы намъ мало понятны, какъ случайное явленіе русской литературы; теперь же мы ихъ поймемъ не только самихъ по себѣ, но и въ ихъ связи съ тѣми истоками, которые мы только что прослѣдили.

12.

Когда маленькіе люди язвятъ большого поэта за то, что онъ теперь, въ грозѣ и бурѣ міровыхъ со-

бытій — не въ ихъ утиномъ стадѣ, что онъ чему-то „измѣнилъ“, что онъ „вдругъ“ сталъ духовнымъ, политическимъ и соціальнымъ „максималистомъ“, — то это просто вздоръ, незнакомство утинаго стада съ творчествомъ того самаго поэта, котораго оно такъ глубокомысленно судитъ. Ибо еще въ 1905 году поэтъ бросилъ этому стаду негодующее свое слово: „Сытые“...

Они давно меня томили:
Въ разгарѣ дѣвственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли бѣлые цвѣты.

А когда пришла въ тѣ дни революція и попробовала „углубиться“ послѣ политическаго сдвига 17-го октября, то случилось то самое, что въ неизмѣримо болѣе широкомъ захватѣ повторяется теперь, въ наши дни:

Шипятъ пергаментныя рѣчи,
Съ трудомъ шевелятся мозги.
Такъ — негодуетъ все, что сыто,
Тоскуетъ сытость важныхъ чревъ:
Вѣдь опрокинуто корыто,
Встревоженъ ихъ прогнившій хлѣвъ!
Теперь имъ выпалъ скудный жребій,
Ихъ домъ стоитъ неосвѣщенъ,
И жгутъ имъ слухъ — мольбы о хлѣбѣ
И красный смѣхъ чужихъ знаменъ!..

Это было написано въ 1905 году, но не относится-ли къ 1917 году? И уже тогда видѣлъ поэтъ, что если даже и совершится во всей своей полнотѣ революція политическая и только политическая, то ни одно звено міровой змѣи стараго міра не будетъ еще раздавлено, человѣкъ еще не будетъ освобожденъ. И въ самый день 17-го октября 1905 года писалъ онъ въ своемъ поэтическомъ дневникѣ:

И если ликъ свободы явленъ,
То прежде явленъ ликъ змѣи,

И ни одинъ суставъ не сдавленъ
Сверкнувшихъ колецъ чешуи.

Понятно отсюда, что и въ 1917 году не могъ поэтъ очутиться среди утинаго стада и среди мѣщанъ соціализма; понятна его связь со „скиѳствомъ“, съ духовнымъ максимализмомъ; понятны, поэтому, и его „Двѣнадцать“ — неизбѣжное слѣдствіе всего его прошлаго поэтическаго сознанія.

Понятны теперь и „Скиѳы“ его; ибо еще разъ повторю: что же есть „скиѳство“ какъ не духовный максимализмъ, выраженный въ условномъ символѣ? Это — духовно; но и историческій захватъ „Скиѳовъ“ Александра Блока намѣчался уже въ давнишнихъ его произведеніяхъ, посвященныхъ Россіи.

Въ минуты духовнаго унынія казалось ему, что Россія — только „сонное марево“, что пора съ ней „разлучиться, раскаяться“, повернуть на Западъ и забыть про Русь, гдѣ „Чудь начудила да Меря намѣрила гатей, дорогъ, да столбовъ верстовыхъ“ ... И съ сожалѣніемъ, въ духѣ тютчевскомъ, говорилъ онъ о ней: „лодки да грады по рѣкамъ рубила ты, но до Царградскихъ святынь не дошла“ .... Но это бывало у поэта лишь минутнымъ настроеніемъ. И въ циклѣ стиховъ „На полѣ Куликовомъ“ мы слышимъ иные, постоянные мотивы, отзвуки которыхъ передъ нами теперь въ „Скиѳахъ“:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Намъ ясенъ долгій путь!
Нашъ путь — стрѣлой татарской древней воли
Пронзилъ намъ грудь.
Нашъ путь — степной, нашъ путь — въ тоскѣ без-[брежной,
Въ твоей тоскѣ, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озаримъ кострами,
Степную даль ....

И пророчески видѣлъ онъ въ прошломъ и будущемъ Россіи — „Куликово поле“, на которомъ рѣшается

участь и Запада и Востока: „Я вижу надъ Русью далече широкій и тихій пожаръ“ ... И чувствовалъ онъ, что впереди еще будетъ рѣшаться эта участь — и звалъ, и ждалъ пришествіе этого часа:

Не можетъ сердце жить покоемъ,
Не даромъ тучи собрались.
Доспѣхъ тяжелъ, какъ передъ боемъ.
Теперь твой часъ насталъ. Молись!

И вотъ теперь поэтъ видитъ, что въ революціи 1917 года — исполнились времена и сроки:

Вотъ часъ насталъ. Крылами бьетъ бѣда,
И каждый день обиды множитъ....

И онъ пишетъ своихъ „Скиѳовъ“, въ которыхъ такъ тѣсно переплетаются и прежніе мотивы его поэзіи, всего XIX вѣка: еще разъ и вплотную становится передъ поэтическимъ сознаніемъ вопросъ о Россіи и Европѣ, о Западѣ и Востокѣ.

13.

Снова передъ нами, подобный „Клеветникамъ Россіи“, бичующій поэтическій манифестъ русскаго поэта, направленный на Западъ, въ лицо Европы.

Но до чего все измѣнилось со временъ Пушкина и Тютчева за это столѣтіе — въ историческихъ судьбахъ Европы и Россіи! Тогда староукладная государственность Россіи стояла стражемъ противъ революціонныхъ движеній Европы; теперь Европа подымаетъ мечъ въ защиту стараго міра противъ революціонной Россіи ...

Поэтъ, однако, идетъ дальше этого внѣшняго противопоставленія. И въ Европѣ реакціонной, и въ Европѣ революціонной, въ самомъ духѣ „пригожей Европы“ онъ видитъ глубокую внутреннюю противоположность свойственнаго Россіи духа „максимализма“:

Да, Скиѳы — мы! Да, азіаты мы,
Съ раскосыми и жадными очами!

И эта духовная „жадность“ Россіи, это ея „скиѳство“ — непримиримо сталкиваются съ выдержаннымъ и внѣшне сильнымъ „постепеновствомъ“ старой Европы. Она увѣренно и умѣренно вѣками плететъ крѣпкую сѣть своего „прогресса“; грома исторіи, „молнія — кормчій“ — ей чужды и непонятны. И въ этомъ вѣчное раздѣленіе Востока и Запада.

Вѣка, вѣка вашъ старый горнъ ковалъ
И заглушалъ грома лавины,
И дикой сказкой былъ для васъ провалъ
И Лиссабона и Мессины!
Вы сотни лѣтъ глядѣли на Востокъ,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срокъ,
Чтобы наставить пушекъ жерла!

Вотъ они лицомъ къ лицу, два врага: новая Россія, съ ея духовнымъ и соціальнымъ максимализмомъ, съ ея „скиѳствомъ“, — и старая Европа, которая куетъ, плавитъ, копитъ, считаетъ сроки. Я говорю (и поэтъ говоритъ) о новой Россіи и старой Европѣ, ибо хорошо знаю, что есть наряду съ ними и иныя силы — старой Россіи и новой Европы, силы, по различнымъ причинамъ, уже и еще исторически не дѣйственныя въ годину великой русской революціи. И не надо забывать, что именно въ эту годину написаны „Скиѳы“, — пламенное обращеніе поэта новой Россіи къ старому міру Европы, обращеніе „жаднаго“ духовнаго „скиѳа“ къ европейскому мѣщанину.

Да, „скиѳъ“ — духовно „жаденъ“: эту черту когда-то Достоевскій (преломившій Тютчева и родившій Вл. Соловьева) называлъ „всечеловѣчностью“ русскаго человѣка. Да, „скиѳъ“ принимаетъ все „эллинское“ европейской культуры, — „и жаръ холодныхъ числъ, и даръ божественныхъ видѣній“, „и острый галльскій смыслъ, и сумрачный германскій геній“,

„парижскихъ улицъ адъ, и венецьянскія прохлады, лимонныхъ рощъ далекій ароматъ, и Кельна дымныя громады“ . . . . И все это для автора „Скиѳовъ“ — не „самое дорогое кладбище“, какимъ было оно для Достоевскаго, а подлинно живое, любимое, свое . . .

Два врага стоятъ лицомъ къ лицу: русскій, „скиѳъ“ и европеецъ, „мѣщанинъ“, новая Россія и старая Европа. И если есть у Россіи миссія, то вотъ она: взорвать изнутри старый міръ Европы своимъ „скиѳствомъ“, своимъ духовнымъ и соціальнымъ „максимализмомъ“, — сдѣлать то самое, что когда-то старый міръ сдѣлалъ въ обратномъ направленіи съ духовнымъ и соціальнымъ максимализмомъ христіанства. Старый міръ вошелъ въ это „варварство“ и взорвалъ его изнутри: онъ омѣщанилъ собою христіанство. И вотъ теперь миссія новой Россіи — насытить духомъ максимализма „культурный“ старый міръ. Ибо только этотъ духовный максимализмъ, это „скиѳство“ открываютъ путь къ тому подлинному освобожденію человѣка, которое такъ и не удалось христіанству, ибо само христіанство „не удалось“.

Вотъ та идея, которую вкладываетъ поэтъ въ вѣковое, въ вѣчное противопоставленіе Россіи и Европы, вотъ то новое, что звучитъ въ его поэтическомъ манифестѣ. Не государственное, національное, религіозное ставится здѣсь впередъ, а народное, — поскольку можно говорить о народной душѣ Россіи. И это не „славянофильство наизнанку“, какъ могутъ подумать наивные люди, а полная его противоположность: ибо, повторяю, знаетъ поэтъ, что „пригожая Европа“ есть и въ Россіи (культурные либералы, мѣщане-соціалисты), такъ же какъ и духовные „скиѳы“ есть въ Европѣ. Ибо „скиѳы“, какъ и „мѣщане“ — интернаціональны. Но поэтъ обращается къ старой Европѣ, къ старому міру, ибо только эта сила (и въ Европѣ, и въ Россіи) стоитъ теперь съ мечемъ въ рукѣ противъ идеи великой міровой революціи, начавшейся въ 1917 году.

14.

Россія — со знаменемъ соціальной революціи, Европа — подъ знакомъ либеральной культуры: встрѣча эта, встрѣча „скиѳа“ и „мѣщанина“ можетъ оказаться смертельной. „Виновны ль мы, коль хрустнетъ вашъ скелетъ въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ?“...

Но пока — старый міръ идетъ съ мечемъ въ рукѣ, чтобы стереть съ лица земли силу революціи. Духовный максимализмъ онъ хочетъ задавить войной, мечемъ и огнемъ. Онъ думаетъ, что легко ему справиться съ этой, вновь пришедшей въ міръ, силой. Когда то онъ взорвалъ „варварское“ христіанство изнутри, теперь онъ хочетъ задавить дикое „скиѳство“ извнѣ. Не слишкомъ ли легко онъ думаетъ справиться съ исконнымъ врагомъ?

О, старый міръ! Пока ты не погибъ,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ сфинксомъ съ древнею загадкой!

„Россія — сфинксъ“. Какой? Не тотъ-ли, о которомъ можно сказать, подражая ядовитой бутадѣ Тютчева:

Россія — Сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣе
Своимъ искусомъ губитъ человѣка,
Что, можетъ статься, никакой, отъ вѣка
Загадки нѣтъ и не было у ней...

Такъ-ли? И не былъ ли загадкой ея тотъ самый „максимализмъ“, сущность котораго глубоко заложена въ душѣ народной и который подлежитъ углубленному толкованію во всѣхъ сферахъ, затронутыхъ въ замѣчательныхъ „манифестахъ“ русскихъ поэтовъ XIX вѣка? И разгадкой не было ли всегда, — у Пушкина, у Тютчева, у Вл. Соловьева, у Блока — одно и то же самое слово: человѣкъ? И не это ли слово, въ области соціальной, несетъ съ собой русская революція 1917 года?

И противъ этого слова старый міръ ощетинивается штыками, противъ идеи онъ выставляетъ пушку. Онъ думаетъ, что на сторонѣ революціи — vox et praeterea nihil (какъ все перемѣстилось со дней Пушкина), онъ слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ, онъ не хочетъ остановиться въ раздумьи предъ сфинксомъ. И голосъ русскаго поэта въ эту минуту собираетъ, какъ въ фокусѣ, голоса тысячъ и тысячъ, обращенныхъ лицомъ съ Востока на Западъ къ тысячамъ невѣдомыхъ братьевъ:

Придите къ намъ! Отъ ужасовъ войны
Придите въ мирныя объятья!
Пока не поздно — старый мечъ въ ножны,
Товарищи! Мы станемъ — Братья!

Это — призывъ русскаго „скиѳа“ къ „скиѳамъ“ западнымъ. Это — призывъ русской революціи (ибо „скиѳство“ — есть революція) къ революціи міровой. И наши дни должны показать намъ, — будетъ ли отзвукъ на Западѣ этому голосу съ Востока, удастся ли самому Западу побѣдить въ себѣ „мѣщанина“, — „скиѳомъ“. Если удастся — хотя бы черезъ мѣсяцы и ближайшіе годы—то съ увѣренностью можно будетъ сказать: отнынѣ — „революція удалась“, и старый міръ понесъ возмездіе за то, что по его винѣ „христіанство не удалось“, не удалась величайшая въ мірѣ революція двадцать вѣковъ тому назадъ.

А если нѣтъ? Если на голосъ восточнаго „скиѳа“ — на Западѣ злобно и враждебно откликнется лишь „мѣщанинъ“, силою задавившій вокругъ себя своихъ западныхъ „скиѳовъ“? Если даже и такъ, — то вѣра наша, что побѣда его — временна, эфемерна, что пусть черезъ года и года, но „скиѳу“ на Западѣ суждена такая же побѣда, какая теперь была дана его брату на востокѣ. За эти годы восточный „скиѳъ“ будетъ, навѣрное, раздавленъ своимъ же „мѣщаниномъ“, при помощи всѣхъ мѣщанъ стараго міра, Россіи и Европы. Но эта Пиррова побѣда не

будетъ продолжительна. Ибо нѣтъ той силы, которая могла бы стать на пути идеи духовнаго максимализма, на пути благой вѣсти о полномъ внѣшнемъ и внутреннемъ освобожденіи человѣка.

Но еще разъ: — а если нѣтъ? . . .

На это отвѣчаетъ поэтъ второй половиной своихъ „Скиѳовъ“:

А если нѣтъ, — намъ нечего терять,
И намъ доступно вѣроломство!
Вѣка, вѣка — васъ будетъ проклинать
Больное, позднее потомство!

Ибо это „а если нѣтъ“ — означаетъ собой конецъ европейской исторіи и осуществленіе предвидѣній Вл. Соловьева, отказъ отъ идеаловъ „миссіи Россіи“ въ пониманіи Пушкина и Тютчева. Это „а если нѣтъ“ — есть гибель Европы и Россіи въ пасти азіатскаго Дракона.

15.

Возвращаясь къ историческимъ воззрѣніямъ Пушкина, къ надъ-историческимъ прозрѣніямъ Вл. Соловьева, въ яркихъ и образныхъ словахъ вспоминаетъ Ал. Блокъ о томъ, что

Мы, какъ послушные холопы,
Держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ —
Монголовъ и Европы!

Да — держали. Но если совершится непоправимое, если западный „мѣщанинъ“, побѣдивъ у себя дома, съ оружіемъ въ рукахъ пойдетъ на Россію искоренять ненавистное ему „скиѳство“, то — не радуйтесь, европейскіе мѣщане!

Мы широко по дебрямъ и лѣсамъ
Передъ Европою пригожей
Разступимся! Мы обернемся къ вамъ
Своею азіатской рожей!

Когда-то Пушкинъ, помнимъ мы, полный идеи государственности и національности, спрашивалъ, обратясь къ Западу лицомъ: „Куда отдвинемъ строй твердынь? За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?“ Теперь поэтъ, паѳосъ котораго внѣ-націоналенъ и внѣ-государственъ, отвѣчаетъ своему старшему собрату: нѣтъ, не до Лимана, а до Урала, ибо тогда мы „выходимъ изъ борьбы“, отказываемся держать щитъ „межъ двухъ враждебныхъ расъ, Монголовъ и Европы“, отказываемся отъ этой пушкинской „миссіи Россіи“: пусть европейскіе „мѣщане“ идутъ навстрѣчу гибели!

Идите всѣ, идите на Уралъ!
  Мы очищаемъ мѣсто бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышитъ интегралъ,
  Съ монгольской дикою ордою!
Но сами мы — отнынѣ вамъ не щитъ,
  Отнынѣ въ бой не вступимъ сами,
Мы поглядимъ, какъ смертный бой кипитъ,
  Своими узкими глазами.
Не сдвинемся, когда свирѣпый Гуннъ
  Въ карманахъ труповъ будетъ шарить,
Жечь города и въ церковь гнать табунъ,
  И мясо бѣлыхъ братьевъ жарить!

Здѣсь апокалиптическій Драконъ Вл. Соловьева вступаетъ въ бой уже не съ Россіей и Европой, а лишь со старымъ міромъ Европы, побѣдившимъ внутри себя возставшаго „скиѳа“. И этотъ „бой на Уралѣ“ — такъ-ли ужъ невѣроятенъ онъ послѣ всего, что мы пережили въ наши невѣроятныя времена.

И если бы въ недавніе минувшіе дни новая Россія, „выйдя изъ борьбы,“ сумѣла не пойти на капитуляцію старому міру, а рѣшилась идти до конца, „очищая мѣсто бою,“ хотя бы до Урала, зная, что сила ея не во внѣшнемъ оружіи, а во внутреннемъ взрывѣ — то не была ли бы побѣда ея впереди еще болѣе вѣроятна, чѣмъ самое вѣроятное изъ свершающагося нынѣ?

Но не въ этомъ теперь дѣло, а въ послѣднемъ призывѣ поэта, которымъ онъ заканчиваетъ своихъ „скиѳовъ,“ это глубокое произведеніе русскаго поэтическаго сознанія, завершающее собою рядъ обращеній русскихъ поэтовъ къ Западу и Востоку, къ Европѣ и Россіи:

Въ послѣдній разъ — опомнись, старый міръ!
На братскій пиръ труда и мира,
Въ послѣдній разъ на свѣтлый, братскій пиръ
Сзываетъ варварская лира!

И мы вѣримъ, что эти призывы восточныхъ „скиѳовъ“ долетятъ раньше или позже — и пусть раньше, чѣмъ позже — до „скиѳовъ“ западныхъ . . .

16.

Такъ завершился кругъ отъ „Клеветниковъ Россіи“ до „Скиѳовъ,“ такъ, съ другой стороны, спаялись звенья „Скиѳовъ“ съ „Двѣнадцатью.“ И звено, замыкающее ихъ, — тотъ самый европейскій міръ, который, въ образѣ Атланта, поддерживаетъ нынѣ старое небо, опираясь на старую землю. Землю эту вырываетъ изъ-подъ ногъ его русская революція, небо это она стремится обрушить на его же голову. „Двѣнадцать“ и „Скиѳы“ являются въ литературѣ глубокимъ отраженіемъ происходящаго въ жизни, — въ этомъ ихъ право на самое пристальное наше вниманіе. Въ области русской поэзіи давно не было ничего, что могло бы по силѣ и глубинѣ сравняться съ этими произведеніями. Аналогій ищешь въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, въ „Клеветникахъ Россіи,“ а тотъ, кому аналогіи эти кажутся преувеличенными, — добросовѣстно можетъ отойти въ сторону отъ русской поэзіи: она не про него писана.

А теперь, отъ произведеній поэзіи переходя къ преломляемымъ ею лучамъ жизни, — еще разъ повторю: лучи эти соединяются, черезъ революцію, въ

„послѣдній судъ огнемъ.“ И этотъ послѣдній судъ — для всего и для всѣхъ является послѣднимъ испытаніемъ. Въ огненной грозѣ и бурѣ должны распасться старые кирпичи, должны закалиться новые мечи, ведущіе насъ въ міръ новый. Въ бурѣ пожаровъ надо сумѣть увидѣть то новое, то надъ-историческое, что таится передъ нами въ пыли, грязи и крови. Отвратительны часто внѣшнія формы новаго, еще духовнымъ огнемъ не закаленнаго, — и такъ легко за тусклой формой не увидѣть свѣтлой сущности. Но пусть не видятъ этого тяжковыйные мѣщане — видятъ это зато творцы и поэты. Ибо, подлинно, для нихъ — „молнія — кормчій.“

Два этихъ вѣчныхъ стана вѣчно раздѣлены въ жизни другъ отъ друга, какъ раздѣлены они и въ геніальныхъ прозрѣніяхъ Гете. Для міровыхъ мѣщанъ („Сиренъ“ второй части „Фауста,“) — ужасно и безумно міровое землетрясеніе: „каждый благоразумный — торопись прочь отъ него!“

Dort ein freibewegtes Leben,
Hier ein ängstlich Erde-Beben;
Eile jeder Kluge fort!
Schauderhaft ist's um den Ort...

Да, поистинѣ, „ужасно въ этомъ мѣстѣ“ для всесвѣтныхъ мѣщанъ. Но среди этого, невыносимаго для нихъ, дѣтей стараго міра, испытанія въ грозѣ и бурѣ, — окрыляется дитя Эвфоріонъ, провозвѣстникъ міра новаго:

Dort! — und ein Flügelpaar
Faltet sich los!
Dorthin! Ich muß! Ich muß!
Gönnt mir den Flug!

И пусть, какъ новый Икаръ, разобьется онъ въ своемъ полетѣ — что до того! „Jammer genug!“ Да, поистинѣ, — „довольно стенаній!“ И отъ рус-

скаго поэта слышимъ мы тоже: „не плачьте, склоните колѣни, туда, въ ураганы огней!“

Въ ураганѣ огней, въ грозѣ и бурѣ, идетъ въ міръ великая благая вѣсть. Подлинно міровымъ землетрясеньемъ и пожаромъ было „рожденіе въ ясли“ двадцать вѣковъ назадъ! Недаромъ поспѣшили прочь отъ него всѣ „благоразумные“ стараго міра. Но убѣжать было нельзя — они вернулись и затушили своей муравьиной лавиной разгоравшійся въ мірѣ пожаръ. „Какъ бы хотѣлъ я, чтобы онъ разгорѣлся...“

И вотъ, въ ураганѣ огней, спустя двадцать вѣковъ, снова идетъ въ міръ благая вѣсть. И снова бѣгутъ „благоразумные“, — мы же должны пройти черезъ это испытаніе въ грозѣ и бурѣ, хотя бы оно испепелило насъ: „нѣтъ исхода изъ вьюгъ — и погибнуть мнѣ весело“ (Ал. Блокъ). Но испепелитъ оно и старый міръ, сорветъ маску съ всесвѣтнаго мѣщанина Атланта и дастъ въ будущемъ побѣду „скиѳу“, пронесшему въ новый міръ — „эллина“ Эвфоріона.

То, къ чему міровая исторія придетъ въ грядущемъ, міровая поэзія даетъ намъ въ настоящемъ. Припадая къ ея истокамъ — чувствуешь себя у ключа воды живой и ясно провидишь, какъ на міровомъ перекресткѣ будетъ, будетъ стоять „печальный какъ вопросъ“ всесвѣтный мѣщанинъ, нынѣ еще властелинъ стараго міра, разоблаченный титанъ, былой міродержатель Атлантъ.

СКИѲЫ.

Мильоны — васъ. Насъ — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь съ нами!
Да, скиѳы — мы. Да, азіаты — мы,
Съ раскосыми и жадными очами!

Для васъ — вѣка, для насъ — единый часъ.
Мы, какъ послушные холопы,
Держали щитъ межъ двухъ враждебныхъ расъ
Монголовъ и Европы!

Вѣка, вѣка вашъ старый горнъ ковалъ
И заглушалъ грома лавины,
И дикой сказкой былъ для васъ провалъ
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лѣтъ глядѣли на востокъ,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срокъ,
Когда наставить пушекъ жерла!

Вотъ срокъ насталъ. Крылами бьетъ бѣда,
И каждый день обиды множитъ,
И день придетъ — не будетъ и слѣда
Отъ вашихъ Пестумовъ быть можетъ!

О, старый міръ! Пока ты не погибъ,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, какъ Эдипъ,
Предъ Сфинксомъ съ древнею загадкой!

Россія — Сфинксъ. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядитъ, глядитъ, глядитъ въ тебя,
И съ ненавистью, и съ любовью!

Да, такъ любить, какъ любитъ наша кровь,
Никто изъ васъ давно не любитъ!
Забыли вы, что въ мірѣ есть любовь,
Которая и жжетъ, и губитъ!

Мы любимъ все — и жаръ холодныхъ числъ,
И даръ божественныхъ видѣній.
Намъ внятно все — и острый галльскій смыслъ,
И сумрачный германскій геній...

Мы помнимъ все — парижскихъ улицъ адъ,
И венецьянскія прохлады,
Лимонныхъ рощъ далекій ароматъ
И Кельна дымныя громады...

Мы любимъ плоть — и вкусъ ея, и цвѣтъ,
И душный, смертный плоти запахъ...
Виновны-ль мы, коль хруститъ вашъ скелетъ
Въ тяжелыхъ, нѣжныхъ нашихъ лапахъ?

Привыкли мы, хватая подъ уздцы
Играющихъ коней ретивыхъ,
Ломать конямъ тяжелые крестцы
И усмирять рабынь строптивыхъ...

Придите къ намъ! Отъ ужасовъ войны
Придите въ мирныя объятья!
Пока не поздно — старый мечъ въ ножны,
Товарищи! Мы станемъ братья!

А если нѣтъ, — намъ нечего терять,
И намъ доступно вѣроломство!
Вѣка, вѣка — васъ будетъ проклинать
Больное, позднее потомство!

Мы широко по дебрямъ и лѣсамъ
Передъ Европою пригожей
Разступимся! Мы обернемся къ вамъ
Своею азіатской рожей!

Идите всѣ, идите на Уралъ!
Мы очищаемъ мѣсто бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышитъ интегралъ,
Съ монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отнынѣ вамъ не щитъ,
Отнынѣ въ бой не вступимъ сами,
Мы поглядимъ, какъ смертный бой кипитъ,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирѣпый Гуннъ
Въ карманахъ труповъ будетъ шарить,
Жечь города, и въ церковь гнать табунъ,
И мясо бѣлыхъ братьевъ жарить!...

Въ послѣдній разъ — опомнись, старый міръ!
На братскій пиръ труда и мира,
Въ послѣдній разъ на свѣтлый братскій пиръ
Сзываетъ варварская лира!

ДВѢНАДЦАТЬ.

1.

Черный вечеръ.
Бѣлый снѣгъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ!
На ногахъ не стоитъ человѣкъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ —
На всемъ Божьемъ свѣтѣ!

Завиваетъ вѣтеръ
Бѣлый снѣжокъ.
Подъ снѣжкомъ — ледокъ.
Скользко, тяжко —
Всякій ходокъ
Скользитъ — ахъ, бѣдняжка!

Отъ зданія къ зданію
Протянутъ канатъ.
На канатѣ — плакатъ:
„Вся власть Учредительному Собранію!“
Старушка убивается, плачетъ,
Никакъ не пойметъ, что значитъ,
На что такой плакатъ,
Такой огромный лоскутъ?
Сколько бы вышло портянокъ для ребятъ,
А всякій раздѣтъ — разутъ!

Старушка, какъ курица,
Кой-какъ перемотнулась черезъ сугробъ.
— Охъ, Матушка-Заступница!
— Охъ, большевики загонятъ въ гробъ!

Вѣтеръ хлесткій!
Не отстаетъ и морозъ!
И буржуй на перекресткѣ
Въ воротникъ упряталъ носъ.

А это кто? — Длинные волосы
И говоритъ въ полголоса:
— Предатели!
— Погибла Россія!
Должно быть, писатель —
Витія . . .

А вонъ и долгополый —
Сторонкой — за сугробъ . . .
Что нынче невеселый,
Товарищъ попъ?

Помнишь, какъ бывало
Брюхомъ шелъ впередъ,
И крестомъ сіяло
Брюхо на народъ?

Вонъ барыня въ каракулѣ
Къ другой подвернулась:
— Ужъ мы плакали, плакали . . .
Поскользнулась
И — бацъ — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Вѣтеръ веселый
И золъ, и радъ,
Крутитъ подолы,
Прохожихъ коситъ,
Рветъ, мнетъ и носитъ
Большой плакатъ:
„Вся власть Учредительному Собранію".
И слова доноситъ:

...И у насъ было собраніе...
...Вотъ въ этомъ зданіи...
...Обсудили —
Постановили...
На время – десять, на ночь—двадцать пять...
И меньше — ни съ кого не брать...
...Пойдемъ спать...

Поздній вечеръ.
Пустѣетъ улица.
Одинъ бродяга
Сутулится,
Да свищетъ вѣтеръ...

Эй, бѣдняга!
Подходи —
Поцѣлуемся...

Хлѣба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипитъ въ груди...

Черная злоба, святая злоба...

Товарищъ! Гляди
Въ оба!

2.

Гуляетъ вѣтеръ, порхаетъ снѣгъ,
Идутъ двѣнадцать человѣкъ.

Винтовокъ черные ремни,
Кругомъ — огни, огни, огни...

Въ зубахъ — цыгарка, примятъ картузъ,
На спину-бъ надо бубновый тузъ!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька съ Катькой въ кабакѣ...
— У ей керенки есть въ чулкѣ!

— Ванюшка самъ теперь богатъ...
— Былъ Ванька нашъ, а сталъ солдатъ!

— Ну, Ванька, сукинъ сынъ, буржуй,
Мою, попробуй поцѣлуй!

Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Катька съ Ванькой занята —
Чѣмъ, чѣмъ занята?
Тра-та-та!

Кругомъ огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революціонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь —

Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!

Эхъ, эхъ безъ креста!

3.

Какъ пошли наши ребята
Въ красной гвардіи служить —
Въ красной гвардіи служить —
Буйну голову сложить!

Эхъ ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрійское ружье!

Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ,
Міровой пожаръ въ крови —
Господи, благослови!

4.

Снѣгъ крутитъ, лихачъ кричитъ,
Ванька съ Катькою летитъ —
Електрическій фонарикъ
На оглобелькахъ...
Ахъ, ахъ пади!

Онъ въ шинелишкѣ солдатской
Съ физьономіей дурацкой
Крутитъ, крутитъ черный усъ,
Да покручиваетъ,
Да пошучиваетъ...

Вотъ такъ Ванька — онъ плечистъ!
Вотъ такъ Ванька — онъ рѣчистъ!
Катьку — дуру обнимаетъ
Заговариваетъ . . .

Запрокинулась лицомъ,
Зубки блещутъ жемчугомъ . . .
Ахъ ты Катя, моя Катя,
Толстоморденькая . . .

5.

У тебя на шеѣ, Катя,
Шрамъ не зажилъ отъ ножа,
У тебя подъ грудью, Катя,
Та царапина свѣжа.

Эхъ, эхъ, попляши!
Больно ножки хороши!

Въ кружевномъ бѣльѣ ходила —
Походи-ка, походи!
Съ офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эхъ, эхъ, поблуди!
Сердце ёкнуло въ груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушелъ онъ отъ ножа . . .
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свѣжа?

Эхъ, эхъ, освѣжи,
Спать съ собою положи!

Гетры сѣрыя носила,
Шоколадъ Миньонъ жрала,
Съ юнкерьемъ гулять ходила —
Съ солдатьемъ теперь пошла?

Эхъ, эхъ, согрѣши!
Будетъ легче для души!

6.

...Опять навстрѣчу несется вскачь,
Летитъ, вопитъ, оретъ лихачъ...
Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забѣгай!

Трахъ-тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ-тахъ,
Вскрутился къ небу снѣжный прахъ!

Лихачъ — и съ Ванькой — на утекъ...
Еще разокъ! Взводи курокъ!

Трахъ-тарарахъ! Ты будешь знать,
Какъ съ дѣвочкой чужой гулять!
. . . .

Утекъ подлецъ! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я съ тобой!

А Катька гдѣ? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — ни гу-гу...
Лежи, ты, падаль, на снѣгу!

Революціонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

7.

И опять идутъ двѣнадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бѣднаго убійцы
Не видать совсѣмъ лица...

Все быстрѣе и быстрѣе
Уторапливаетъ шагъ.
Замоталъ платокъ на шеѣ —
Не оправится никакъ...

— Что, товарищъ, ты не веселъ,
— Что, дружокъ, оторопѣлъ?
— Что, Петруха, носъ повѣсилъ,
— Или Катьку пожалѣлъ?

— Охъ, товарищи, родные,
Эту дѣвку я любилъ...
Ночки черныя, хмѣльныя
Съ этой дѣвкой проводилъ...

Изъ-за удали бѣдовой
Въ огневыхъ ея очахъ,
Изъ-за родинки пунцовой
Возлѣ праваго плеча,
Загубилъ я, безтолковый,
Загубилъ я сгоряча... ахъ!

— Ишь, стервецъ, завелъ шарманку,
Что ты, Петька, баба что-ль?
Вѣрно, душу на изнанку
Вздумалъ вывернуть? Изволь!
Поддержи свою осанку!
Надъ собой держи контроль!

Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться съ тобой!
Потяжеле будетъ бремя
Намъ, товарищъ дорогой!

И Петруха замедляетъ
Торопливые шаги,

Онъ головку вскидаваетъ,
Онъ опять повеселѣлъ...

Эхъ, эхъ!
Позабавиться не грѣхъ!

Запирайте этажи,
Нынче будутъ грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляетъ нынче голытьба!

8.

Охъ ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужъ я времячко
Проведу, проведу . . .

Ужъ я темячко
Почешу, почешу . . .

Ужъ я сѣмячки
Полущу, полущу . . .

Ужъ я ножичкомъ
Полосну, полосну!

Ты лети, буржуй, воробышкомъ!
Выпью кровушку
За зазнобушку
Чернобровушку . . .

Упокой, Господи, душу рабы твоея . . .

Скучно!

9.

Не слышно шуму городского,
Надъ невской башней тишина
И больше нѣтъ городового —
Гуляй, ребята, безъ вина!

Стоитъ буржуй на перекресткѣ
И въ воротникъ упряталъ носъ.
А рядомъ жмется шерстью жесткой
Поджавшій хвостъ паршивый песъ.

Стоитъ буржуй, какъ песъ голодный,
Стоитъ безмолвный, какъ вопросъ,
И старый міръ, какъ песъ безродный,
Стоитъ за нимъ, поджавши хвостъ.

10.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой вьюга, ой вьюга!
Не видать совсѣмъ другъ друга
За четыре за шага!

Снѣгъ воронкою завился,
Снѣгъ столбушкою поднялся...

— Охъ, пурга какая, Спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
Отъ чего тебя упасъ
Золотой иконостасъ?
Безсознательный ты, право,
Разсуди, подумай здраво —
Али руки не въ крови
Изъ-за Катькиной любви?

— Шагъ держи революціонный!
Близокъ врагъ неугомонный!

Впередъ, впередъ, впередъ,
Рабочій народъ!

11.

...И идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Ихъ винтовочки стальныя
На незримаго врага...
Въ переулочки глухіе,
Гдѣ одна пылитъ пурга...
Да въ сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

Въ очи бьется
Красный флагъ.

Раздается
Мѣрный шагъ.

Вотъ — проснется
Лютый врагъ...

И вьюга пылитъ имъ въ очи
Дни и ночи
Напролетъ...

Впередъ, впередъ,
Рабочій народъ!

12.

. . . Вдаль идутъ державнымъ шагомъ . . .
— Кто еще тамъ? Выходи!
Это — вѣтеръ съ краснымъ флагомъ
Разыгрался впереди . . .

Впереди — сугробъ холодный,
— Кто въ сугробѣ — выходи!
Только нищій песъ голодный
Ковыляетъ позади . . .

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыкомъ пощекочу!
Старый міръ, какъ песъ паршивый,
Провались — поколочу!

. . . Скалитъ зубы — волкъ голодный —
Хвостъ поджалъ — не отстаетъ —
Песъ холодный — песъ безродный . . .
— Эй, откликнись, кто идетъ?

— Кто тамъ машетъ краснымъ флагомъ?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто тамъ ходитъ бѣглымъ шагомъ,
Хоронясь за всѣ дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мнѣ живьемъ!
Эй, товарищъ, будетъ худо,
Выходи, стрѣлять начнемъ!

Трахъ - тахъ - тахъ! И только эхо
Откликается въ домахъ . . .
Только вьюга долгимъ смѣхомъ
Заливается въ снѣгахъ.

Трахъ - тахъ - тахъ — !
Трахъ - тахъ - тахъ . . .

Такъ идутъ державнымъ шагомъ —
Позади голодный песъ,
Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
Впереди — Исусъ Христосъ.

исправленный стих

Так идут державным шагом
Позади голодный пёс
Впереди - с кровавым флагом
и за вьюгой не видим
Вертя хвостиком своим
Смелой поступью надвьюж[illegible]
С Сей ватажкой лихо-дружн[illegible]
В красном венчике из стал[illegible]
Сатана шел дух злобы
дух несчастья и печали
Разрушенья и борьбы

Оттс Эльснеръ, Берлинъ.

ОТТО ЭЛЬСНЕРЪ / БЕРЛИНЪ